

УДК 81
ББК 81

Т.Ю. Пантелеева

**«ЯЗЫК ВРАЖДЫ»
В ПАРАДИГМЕ
ЮРИСЛИНГВИСТИКИ:
КОГНИТИВНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

Рассматривается «язык вражды» в когнитивно-семантическом и правовом аспектах. Когнитивно-семантический анализ позволяет выявить в текстах нормативных документов лексемы и лексические сочетания, в которых определены квалифицирующие семантические доминанты, языковые элементы с атрибутивной семантикой и семантикой действия, составляющие фундамент формирования исследуемого феномена в координатах лингвистики и юриспруденции. «Язык вражды» определяется как совокупность институционально детерминированных негативных речевых практик, опирающаяся на архетипическую оппозицию «свой – чужой», а также на реализацию в семантическом пространстве негативных стереотипов посредством перформативов.

Ключевые слова: *юрислингвистика, «язык вражды», квалифицирующие смысловые доминанты, атрибутивные элементы.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-96-103

Пантелеева Татьяна Юрьевна – канд. филол. наук, доцент, заместитель начальника филиала по учебной и научной работе, по внутреннему совместительству доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: pantel_tania@mail.ru

© Пантелеева Т.Ю., 2016.

Междисциплинарный характер исследований, проводимых в русле юрислингвистики, обусловливает ряд трудностей, с которыми сталкиваются филологи и правоведы. Одну из актуальных задач составляет необходимость создания и эффективного использования терминосистемы, которая позволяла бы непротиворечиво трактовать термины, определяемые в лингвистическом и юридическом аспектах.

Одним из таких терминов является «язык вражды» (англ. hate speech, букв. «речь ненависти»), представляющий инновацию для современной научной парадигмы. Несомненно, неточный перевод заимствования hate speech детерминирует неполное включение в семантическое пространство термина всех его значимых параметров, в то время как наиболее корректен буквальный перевод «речь ненависти» или «речь ненавидящего». Акцентирование в последнем транслатологическом варианте субъекта коммуникации позволяет рассматривать при изучении данного феномена и то дискурсивное пространство, которое им формируется: действительно, лингвистический компонент «речь» и прагматическая составляющая «ненависть», испытываемая говорящим в конкретных ситуациях, создают необходимые для осмысления данного явления понятийные координаты.

Важным, на наш взгляд, является определение терминологического статуса нового понятия в лингвистической и юридической науках. Так, «язык вражды» в отечественной лингвистической па-

радикале в последние годы неоднократно охарактеризован исследователями (см.: [Кузнецова, Соколова; Никипорец-Такигава и др.]), однако данный феномен термином в полном смысле пока не является. По Ф. де Соссюру, основным отличительным признаком термина является его принадлежность «к специальной семиотической системе и обозначение сложного фрагмента из общей системы смыслов» [Соссюр, с. 126 – 127]. Накопленные в настоящее время знания о «языке вражды» не дают пока оснований для заключения о достаточности обоснования его терминологического статуса. С позиций юриспруденции «язык вражды» также не является термином по причине несоответствия строгим требованиям, которые предъявляются к ним в юридической парадигме: устойчивое употребление в законе или нормативном акте, логическая связанность с другими терминами данной системы и взаимная детерминированность ими, а также другими системами [Хижняк, с. 28 – 32].

Тем не менее понятие «язык вражды» представляется удачным, поскольку *ненависть* и *вражда* представляют собой феномены, определяемые лингвистически и юридически (ср. формулировки УК РФ, включающие упоминания о «ненависти и вражде» (УК РФ, ст. 282)). Термины *язык* и *речь* оказываются приемлемыми в междисциплинарных сферах в большей степени, нежели другие терминологические сочетания, например, «ксенофобический дискурс», сложно постигаемый в области право-ведения.

В координатах отечественной лингвистики «язык вражды» рассматривается с позиций установления параметров и значимых признаков языка конфликтов, этностереотипов, языковых маркеров ксенофобии, лингвокультурологических и лингвосоциологических аспектов толерантности и политкорректности (см.: [Денисова, с. 221 – 228]).

Наиболее удачной является трактовка понятия «языка вражды», предложенная В.В. Кузнецовой и Е.Е. Соколовой, которые рассматривают его как совокупность лингвистических средств выражения «резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т.п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [Кузнецова, Соколова, с. 448]. Г.Ю. Никипорец-Такигава выделяет «язык вражды» как «проявление языковой агрессии, наряду с немотивированным использованием новых иноязычных слов; лингво-суггестивным воздействием рекламных текстов; экспансией лексики малых социумов; языковой демагогией; метафоризацией, созданием специфической метафорической картины мира» [Никипорец-Такигава, с. 56]. Исследователь определяет «язык вражды» как «некоторое количество привычных слов и выражений, которые подсознательно программируют человека на агрессию» [Там же, с. 57].

На наш взгляд, возможность корректного определения термина «язык вражды» детерминирована выявлением его конкретных семантических маркеров, которые могут быть установлены в процессе изучения нормативных актов российского законодательства – таковы лексемы и

их сочетания, представленные в каждом правовом определении речевых актов, исследуемых на предмет наличия «языка вражды»:

а) смысловые доминанты, обладающие квалифицирующей семантикой («вражда», «терроризм», «символика», «ненависть», «рознь», «исключительность/превосходство/неполноценность»);

б) лексика с атрибутивной семантикой («расовый» (или «признак расы»), «происхождение», «национальный», «идеологический», «политический», «религиозный», «отношение к религии», «принадлежность к социальной группе», «признак пола», «языковой» (или «признак языка»));

в) лексика с семантикой действия («оправдание», «возбуждение», «унижение достоинства», «пропаганда», «демонстрирование», «призыв»).

Согласно Федеральному закону о противодействии экстремизму, указанные семантические элементы должны быть маркированы признаком *публичности*, который манифестирован в следующих его свойствах:

а) наиболее широкий адресат;

б) коммуникативная стратегия влияния на социум в целом или какую-либо его страту.

Признак публичности, на наш взгляд, может быть реализован как непосредственно (в случае, если высказывание имеет целью воздействие на возможно более значительное количество реципиентов дискурса), так и опосредованно (в случае, если такой текст публикуется в разделе, открытом / закрытом для посетителей Интернет-форума).

Уголовный кодекс Российской Федерации параметрирует «язык вражды» в ст. 282 УК РФ, в которой обозначены как наказуемые *«действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средства массовой информации»*.

В тексте данного нормативно-правового документа в ходе когнитивно-семантического анализа в соответствии с предложенной выше классификацией выявлены смысловые доминанты и языковые элементы. Значимыми становятся в приведенном контексте *ненависть* и *вражда* как смысловые доминанты, обладающие квалифицирующей семантикой; языковые элементы, имеющие атрибутивную семантику, категориально маркированы лексемами *пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, социальной группе*. При их вербализации посредством номинатива доминантное значение этих элементов, тем не менее, должно быть квалифицировано как атрибутивное: метод трансформации позволяет установить их признаковый характер посредством замены представленных в контексте языковых элементов на такие, в семантике которых значимыми оказываются «половой», «расовый», «национальный», «языковой» признак и «признак происхожде-

ния». Языковые элементы с семантикой действия в приведенном контексте – *возбуждение*.

Уголовный кодекс РФ, помимо статьи о «возбуждении ненависти», предусматривает также ужесточение меры наказания в случае совершения любого правонарушения по мотивам ненависти. Данная мотивация определяется в правовом поле как «презумпция виновности, враждебности или порочности по национальному признаку», что позволяет квалифицировать её в качестве основы всех противоправных действий, которые могут быть отнесены к преступлениям на почве национальной или расовой вражды или ненависти. Основу публичных действий, целью которых является опорочивание людей по критерию их национальной, расовой или религиозной принадлежности, составляют также мотивы ненависти. Такая мотивация формирует контекст оскорбления национальной и конфессиональной чести достоинства. Обстоятельством, отягчающим наказание, согласно ст. 63 УК РФ, может быть *«совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»*. Когнитивно-семантический анализ позволяет установить квалифицирующие семантические доминанты *ненависть, вражда*; атрибутивные элементы представлены лексемами и их сочетаниями *политический, идеологический, расовый, национальный, религиозный, в отношении социальной группы*. Языковые элементы с семантикой действия представлены лексическим сочетанием *совершение преступления*.

По мнению правоведов, язык вражды направлен, прежде всего, на «создание мотивации для дискриминации» человека, т. е. обладает побудительным характером. Так или иначе, «язык вражды» либо мотив ненависти, который может быть выражен в речевой деятельности, регулируется законодательством с помощью следующих правовых актов: ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «Об увековечивании победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», Кодексом об административных правонарушениях РФ, п. е ст. 63 Уголовного кодекса РФ, ст. 282 Уголовного кодекса РФ, п. 2 л ст. 105 УК РФ (убийство по мотиву ненависти), п. 2 е ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотиву ненависти), п. 2 е ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью по мотиву ненависти), п. 2 б ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью), п. 2б ст. 116 (Побои по мотиву ненависти), п. 2 з УК РФ (Истязание по мотиву ненависти), а также мотив ненависти предусмотрен статьями ст. 119 УК РФ (Угроза убийством), ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст. 213 УК РФ (Хулиганство), ст. 114 УК РФ (Вандализм), ст. 244 УК РФ (Надругательство над телами умерших), ст. 282.1 (Организация экстремистского сообщества) и ст. 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации).

Безусловно, к правовому регулированию речевой сферы деятельности необходимо прибегать в исключительных случаях. Проблема заклю-

чается, на наш взгляд, в том, что не каждая спорная и даже конфликтная сфера человеческой деятельности нуждается в правовом регулировании. Множество сфер, в которых государство призвано регулировать различные отношения через компетентные органы, были и остаются важными, например, транспортная, промышленная, медицинская и другие. Искусство, науку, публицистику и другую творческую деятельность человека важно оставлять свободными от вмешательства зачастую репрессивного административного аппарата. В этой связи «язык вражды» представляет собой актуальный объект лингвистического исследования, параметрирование которого должно быть вписано в правовое поле.

Когнитивно-семантический анализ правовых документов позволяет выявить конституирующие признаки «языка вражды». Понимание дискурса как языкового коррелята конкретных видов социальной деятельности позволяет определить «язык вражды» как совокупность **институционально детерминированных** негативных речевых практик. Для реализации «языка вражды» необходимо активное функционирование и само существование института «желтой» прессы и СМИ соответствующего уровня преподнесения информации в требуемых форматах, которые транслируют стереотипы массовой культуры, прежде всего, в национальной сфере. В любом случае, «язык вражды» всегда опирается на архетипическую оппозицию «свой – чужой», что распространено, кроме национальных групп, и на различные социальные страты. Дискриминация по какому-либо признаку также институционально обусловлена: она всегда принадлежит к числу практик ряда политических организаций. Разумеется, в таком случае «язык вражды» выступает уже не столько в качестве аффективно-когнитивного феномена, сколько принадлежит к уровню явлений, глубоко логических по природе, участвуя в решении экономических и политических задач. Такой ракурс рассмотрения изучаемого феномена позволяет объяснить причины пристрастного отношения объекта «языка вражды», который подвергся его воздействию, к любым речевым действиям его субъекта, так как моральные страдания являются следствием не только конкретных речевых действий, но и агрессивного поведения субъекта в целом.

Также важным параметром «языка вражды» следует считать продуцирование семантического пространства дискурса / текста на основе негативных стереотипов, логических ошибок, неверных обобщений, которые неизбежно ведут к тенденциозности истолкования поведения представителей социального страта или национальной группы, её отрицательной оценке в целом без учета дифференциации индивидов внутри нее.

Важным параметром следует считать также реализацию «языка вражды» как в сфере социальных отношений (определенные сообщества социального, профессионального, этнического / расового характера), так и межличностных. При этом «язык вражды» – это всегда действенное явление, в противоположность толерантности, которая может реализоваться и в бездействии.

Тексты, характеризующиеся наличием маркеров «языка вражды», зачастую содержат не прямые утверждения, а импликатуры, что позволяет осуществлять перформативное воздействие на реципиента посредством не прямой коммуникации. «Язык вражды», реализуемый в устной коммуникации, – прежде всего действие (ср.: наименование кого-либо болваном, дураком и пр.), тогда как закрепление такого именования в письменной форме в большинстве случаев становится условием для привлечения автора текста к ответственности.

Перспективы изучения «языка вражды» представляются как комплекс актуальных задач, требующих решения:

- институциональность «языка вражды» как его реализация в различных сферах социальной деятельности;
- исследование приемов и способов вербализации «языка вражды»;
- установление характеристик социальных процессов посредством выявления частотности применения «языка вражды» в различных сферах жизни общества;
- совершенствование методик лингвистической экспертизы в координатах юриспруденции.

Литература

Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. материалов науч.-практ. семинара. М., 2003.

Денисова А.В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» // Юрислингвистика. 2011. № 11.

Кузнецова В.В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка: материалы междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2004.

Никипорец-Такигава Г.Ю. Язык, сознание, коммуникация // Агрессия в языке СМИ: опыт статистического анализа. М., 2006.

Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов, 1997.

Правовые документы

Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: от 26.01.1996 № 14-ФЗ: [ред. от 30.11.2011: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [в ред. от 13.05.2008 г.] // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ: [ред. от 12.11.2012] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

Об увековечивании победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ: [с изм. от

22 августа 2004 г., 9 февраля 2009 г.] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ: [ред. от 29.04.2008] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ [ред. от 08.11.2011] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

О некоторых мерах по защите прав вкладчиков и акционеров: Указ Президента РФ от 18 ноября 1995 года № 1157: [ред. от 25.07.2013] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2013. Загл. с экрана.

Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

О внесении изменений в приказ министерства юстиции Российской Федерации от 14 мая 2003 г. № 114: Приказ Министерства юстиции РФ от 9 марта 2006 г. № 36 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. М., 2012. Загл. с экрана.

References

Golev N.D. Ekspertiza konfliktnykh tekstov v sovremennoi lingvisticheskoi i yuridicheskoi paradigmakh // Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh: sb. materialov nauch.-prakt. seminar. M., 2003. S. 64-73.

Denisova A.V. pravovye osnovy lingvisticheskoi ekspertizy «yazyka vrazhdy» // Yurislingvistika. 2011. № 11. S. 221-228.

Kuznetsova V.V. Svoboda slova i yazyk vrazhdy v rossiiskikh SMI / V.V. Kuznetsova, E.E. Sokolova // Sotsial'nye varianty yazyka: materialy mezhdunar. nauch. konf. N. Novgorod, 2004. S. 448-450.

Nikiporets-Takigava G.Yu. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya // Agressiya v yazyke SMI: opyt statisticheskogo analiza. M., 2006. S. 56-65.

Sossyur F., de Trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1977. 695 s.

Khizhnyak S.P. Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav / Pod red. L.I. Barannikovoi. Saratov, 1997. 134 s.

Pravovye dokumenty

Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Ch. 2: ot 26.01.1996 № 14-FZ: [red. ot 30.11.2011: s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 01.01.2012] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon RF ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ: [v red. ot 13.05.2008 g.] // Sobranie Zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: ot 30.12.2001 № 195-FZ: [red. ot 12.11.2012] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

Ob uvekovechivanii pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg.: Federal'nyi zakon ot 19 maya 1995 g. № 80-FZ: [s izm. ot 22 avgusta 2004 g., 9 fevralya 2009 g.] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

O protivodeistvii ekstremistskoi deyatelnosti: Federal'nyi zakon ot 25.07.2002 N 114-FZ: [red. ot 29.04.2008] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

O protivodeistvii terrorizmu: Federal'nyi zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ [red. ot 08.11.2011] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

O nekotorykh merakh po zashchite prav vkladchikov i aktsionerov: Ukaz prezident RF ot 18 noyabrya 1995 goda № 1157: [red. ot 25.07.2013] [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2013. Zagl. s ekrana.

Ob utverzhdenii Perechnya rodov (vidov) ekspertiz, vpolnyaemykh v gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Minyusta Rossii, i Perechnya ekspertnykh spetsial'nostei, po kotorym predostavlyaetsya pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebnykh ekspertiz v gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Minyusta Rossii: Prikaz Minyusta Rossii ot 14.05.2003 № 114 [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

O vnesenii izmenenii v prikaz ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 maya 2003 g. № 114: Prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 9 marta 2006 g. № 36 [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. M., 2012. Zagl. s ekrana.

Panteleeva T.Yu. (Novorossiysk, Russian Federation)

«Feud language» in the paradigm of jurislinguistics: cognitive-semantic and law aspects

In the article it is considered «feud speech» in the cognitive-semantic and legal aspects. Jurislinguistic as an interdisciplinary field, actively developing in recent time, uses the term «feud speech» that has not received, however, the terminological status, and full justification. Conducted cognitive-semantic analysis allows to identify in the texts of normative documents qualifying the semantic dominant language elements with the semantic attribute and the semantics of the action constituting the foundation of formation of the investigated phenomenon in the coordinates of linguistics and law. Crucial for determining the extent to which an element of «feude speech» becomes a sign of publicity, naturally manifested in the properties of the recipient and use of communicative strategies. «Feud speech» is defined as a set of **institutionally determinated** negative speech practices based on the archetypal opposition «own – alien», and negative stereotypes. «Feud speech» is being implemented in the sphere of social and interpersonal relations.

Kay words: jurislinguistic, «feud speech», making semantic dominants, attributive elements.

Panteleeva Tatyana Yurievna – candidate of philology, professor assistant of social-humanitarian, economic and law disciplines, deputy of the head of learning and scientific work branch. Novorossiysk Branch of Krasnodar University of Russian MIA. E-mail: pantel_tania@mail.ru